

Карина Демина

Изольда Великолепная

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Карина Демина
Изольда Великолепная
Серия «Изольда
Великолепная», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5826042
Изольда Великолепная: Роман: Альфа-книга; Москва; 2013
ISBN 978-5-9922-1455-0

Аннотация

Девушка согласилась на безумное предложение выйти замуж за незнакомца, подписала контракт и попала в чужой мир. Лорд-протектор, он же живое воплощение войны, понадеялся на благоразумие друга, а в результате получил совсем не ту невесту, на которую рассчитывал. Маг-недоучка, бессовестный рыцарь, сыграл очередную шутку, связав брачным контрактом двух случайных людей. И неважно, мстил он за прошлые обиды или же пытался помочь в обычной своей неуклюжей манере: каждому понятно, что вскоре недоразумение будет исправлено. Дата свадьбы назначена? Эти два месяца еще прожить надо!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	20
Глава 3	32
Глава 4	44
Глава 5	58
Глава 6	69
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Карина Демина

Изольда Великолепная

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

Выйти замуж – не напасть...

...Продажа женщин разрешена только перед алтарем...

П.17.2 «Уложения о правах и свободах человеческих, дарованных во имя процветания протектората лордом-протектором Сигизмундом Мюрреем»¹

Куда идти, если идти некуда?

В кармане последняя сотка, и та одолженная. За плечом рюкзак со свитером, сменой белья, косметичкой и дипломом бухгалтера, который, как оказалось, на работодателей производит впечатление куда меньшее, чем я рассчитывала. Ну да, всего-навсего курсы. Полугодовые. Углубленные.

Ну да, опыта работы у меня нет.

Ну да, и сама я на бухгалтера не похожа.

Но это же еще не повод отворачиваться! Перезвонят мне, как же... звонить уже некуда – сотовый издох, а стационарный остался в квартире, с Машкой. А Машка осталась с женихом, и на этой заповедной территории места мне нет. Вещи пусть побудут недельку-другую, а вот я должна уйти.

Дружба дружбой, а женихи врозь.

¹ В качестве эпиграфов в книге использованы цитаты из произведений, которые читатель, несомненно, узнает. – *Примеч. авт.*

Нет, на Машку я не злюсь.

Порой мне кажется, что все со мной происходящее закономерно и справедливо: мир взывает долги, и даже не знаю, наступит ли момент, когда я полностью с ним рассчитаюсь. Но как бы там ни было, изменить прошлое мне не под силу, а вот с будущим что-то надо делать. Знать бы еще, что именно.

Для начала поесть.

Сто рублей – это много, если правильно распоряжаться финансами. Кефир. Булочка. В кармашке рюкзака еще с осени карамелька завалялась, будет десертом. Пикник устрою в парке, благо погода радует. Солнышко светит, травка зеленеет, птички поют... благодать полнейшая. Еще недели две-три до настоящей жары, и народ спешит пользоваться моментом. Все скамейки заняты. Подростки с пивом, чипсами и ротвейлером, которому попеременно доставалось то чипсов, то пинков – их пес воспринимал с буддистским спокойствием. Мамаши при колясках. Стайка старушек. Влюбленные... и, кажется, место мое – на газоне. Почему бы и нет?

Выпью кефир, съем булочку и карамельку, а дальше что?

Ночевка на вокзале? И как долго? Подозреваю, что это – те самые временные обстоятельства, которые грозят стать постоянными. Хоть на панель иди, честное слово. Но думаю, что и туда не примут за отсутствием внешних данных.

Роста во мне полтора метра и три сантиметра, о которых я упоминаю исключительно из врожденной мелочности натуры. Телосложение субтильное. Лицо маловыразительное. По

Машкиному выражению, я – подросток, застрявший в начале пубертатного периода. Платице надеть, бантик к макушке привязать, и вот она – мечта педофила.

Но я же не всерьез о таком думаю?

Перстень я заметила издалека. И как не заметить, если он прямо посреди дорожки лежал, сверкал синим камнем. Так сверкал, что только слепой внимания не обратит.

Не обращали.

Прошла мимо женщина с толстой болонкой на поводке. Собака остановилась было у перстня, тьякнула, внимание хозяйки привлекая, но была взята на руки.

– Скоро дома будем, Лисочка, потерпи, милая.

И девчонка в спортивных шортиках мимо пробежала... пацан ногой поддел, и перстень, жалобно звякнув, откатился к самому бордюру. Мне оставалось наклониться и поднять.

Бижутерия? Если так, то качественная и, следовательно, дорогая. А если настоящий? Серебро? Не похоже – серебро светлее. Но и не золото. Платина? А камень тогда? Сапфир? Стекло, Изольда, просто стекло. Сапфиры такого размера на земле не валяются. Я сомневаюсь, что они вообще бывают в природе. Камень прямоугольной формы и густого синего окраса. Чудо просто...

Перстень я примерила сугубо из женского любопытства. Колечко в любом случае придется продать – наличные мне нужны. Но ведь полюбоваться можно, представить, что оно – мое. Вот и на палец село как родное.

– Девушка, – раздался рядом вкрадчивый голос, – позволено ли будет взглянуть?

Руку спрятать в карман я не успела.

– Не стоит бояться. Я не причиню вам вреда.

Конечно. Все, кто хочет причинить вред, сообщают об этом открыто. Интересно, пора уже звать на помощь? И кого?

Парк, еще секунду назад довольно людный, вдруг опустел. И я осталась наедине с престранным типом, который увлеченно разглядывал мою руку. Нашел чем любоваться. Ладонь как ладонь... не очень чистая, кстати. И маникюр, сделанный Машкой на прошлой неделе – тогда еще жених пребывал в статусе парня, – пооблупился самым позорным образом.

– Удобно? – поинтересовался тип, трогая перстень. – Не жмет?

– Ваш?

Я верну, хотя, конечно, обидно. У меня на это колечко уже планы, а тут вдруг...

– Ваш. – Мой новый знакомый лучезарно улыбнулся. А ведь хорош, стервец этакий. Высок. Широкоплеч. И льняной пиджак средней степени измятости лишь подчеркивает стать. Лицо ангельское, только нимба над светлой макушкой не хватает. А вот глаза впечатление портят, светлые, но с таким бесовским огоньком. – Не соблаговолите ли вы назвать свое имя?

Огоньки меня заворожили, наверное, поэтому и ответила:
– Изольда.

Ну да, имя у меня глупое.

Видите ли, папенька мой – глянуть бы на него хоть одним глазком – был очень увлечен некой историей и наказал маменьке наречь дочь Изольдой. А маменька в жару любовном, который еще томился на дровах обещаний, наказ исполнила. Потом они разругались в хлам и папенька благополучно исчез с горизонта нашей жизни. А вот имечко осталось.

Хорошо хоть не мальчиком родилась. Тристаном жить было бы сложнее.

– Чудесное имя...

Столь искренне и с чувством мне еще не ввали.

– Урфин. – Блондин тоже представился, при этом поклонившись.

– Джус? – вырвалось у меня помимо воли.

– Нет. Сайлус, седьмой тан Атли.

Тан, значит. Просто очаровательно, что бы это ни значило.

– Изольда, не будете ли вы столь любезны уделить мне несколько минут вашего драгоценного времени?

Если потянет в кусты, заору... но вместо этого я кивнула. Надеюсь, вежливо. Чего-чего, а времени у меня с избытком.

– Тогда прошу вас присесть.

На лавочку. Очаровательную свободную лавочку, которая останется в полном моем распоряжении после исчезновения Урфина, – приятно осознавать, что не у одной меня родители

фантазию проявляли. В том, что весьма скоро тану надоеет мое общество, я не сомневалась.

– Скажите, вы не хотели бы...

...продать душу и остатки чести за улыбку? Она у него потрясающая, конечно. И вообще с его обаянием только финансовые пирамиды устраивать, но вот гложут меня смутные подозрения...

– ...выйти замуж за одного достойного господина...

Уж не за него ли?

А если... нет, Изольда, такого не бывает! Даже в сказках не бывает! А ты в жизни реальной, и такие красавцы здесь не водятся и уж тем паче не предлагают руку и сердце первой встречной.

Любовь с первого взгляда? Тогда пусть приглядится по-лучше.

– Состоятельного? – зачем-то уточнила я внезапно севшим голосом.

– Очень, – уверил он, присаживаясь рядом. – Благородного и по крови, и по характеру. Умного. Сильного...

Прекрасного, как кусок сыра в новой мышеловке.

Что ему от меня надо?

– Вы больше никогда не будете испытывать нужду в чем-либо...

И взгляд такой красноречивый, заставляющий осознать, что джинсы мои стары и рубашка немногим моложе. Кроссовки и вовсе скоро умрут, а на новые денег взять неоткуда.

И вообще, если разобраться, что я теряю?

– Вы станете хозяйкой замка...

Этот шепот парализовал волю. И воображение – предатель! – рисовало нечто кремообразное, белоснежное и с кучей башенок.

Нельзя соглашаться!

Почему?

Потому что так не бывает!

Это еще не аргумент, Изольда. Или аргумент? А вдруг он... что? Выдаст меня замуж насильно? У нас не Средние века, я всегда смогу отказаться в последний момент. Или развестись. Или вообще...

Нет, я же не серьезно...

– Получите содержание. Скажем... в эквиваленте вашего веса золотом.

Вешу я сорок три кило. В золотом эквиваленте выходит солидно. Я не знаю, сколько сейчас стоит грамм золота, но... нет, я же не обдумываю его предложение!

– ...и, конечно, драгоценности. Вам нравится кольцо? У вас их будут сотни... алмазы, изумруды, рубины...

...оставайся, мальчик, с нами, будешь нашим королем...

– Что вы сказали?

– Ничего.

Это ловушка!

Ну конечно, ему очень надо поймать глупенькую Изольду, чтобы... на органы продать? Или в рабство? Да кому я здесь

нужна?! Никому, Машка, и та меня предала.

– Поверьте, – Урфин наклонился еще ближе и прошептал на ухо: – подобный шанс выпадает раз в жизни. Не упустите его...

Да чтоб тебя!

Я собиралась встать и уйти, но вместо этого ответила:

– Хорошо.

– То есть вы согласны?

– Да.

Честно говоря, в глубине души я ожидала, что небеса разверзнутся и строгий голос возвестит, что я, Изольда, совершеннолетняя гражданка России, заключила сделку с дьяволом и быть мне отныне проклятой, неприкаянной и далее по списку. Увы, на мою беду небеса выглядели цельными, а голоса молчали, за исключением голоса разума. Но он был тих и неубедителен.

– И что теперь? – спросила я, разглядывая перстень.

Все-таки не бижутерия. И если так, то думать о его стоимости просто страшно.

– Теперь следует оформить наш договор. – Урфин подал мне руку и уже не выпускал, точно опасался, что я передумаю и сбегу. Признаться, было такое искушение, потому что чем дальше, тем более странным казалось мне происходящее.

Вот не надо было колечко трогать!

На стоянке Урфина ждал черный «бентли». Распахнув

дверь, седьмой тан – что случилось с предыдущими шестью, я уточнять не посмела, – сказал:

– Вам не стоит опасаться. Вашему здоровью и чести ничто не угрожает. Слово лорда-советника.

Ну да, я взяла и на слово поверила.

Хотя да, поверила. А что оставалось? Вернуть колечко и отправиться домой? Ах да, отправляться некуда. Ни дома, ни ванной, закрывшись в которой можно пореветь от души, ни перспектив, кроме все той же панели. Лучше уж замуж... За сильного, умного и состоятельного. И не думать, чем это замужество для меня обернется.

Ехали мы недолго, но, когда авто остановилось и Урфин помог мне выбраться, – он вообще подозрительно услужливый тип, – я поняла, что понятия не имею, где нахожусь. Город был знаком и не знаком. Серые пятиэтажки брежневской постройки. Запыленные липы. И совершенно пустая улица, на которой помимо «бентли» припаркован лишь старенький «запорожец». Судя по кирпичам, подпиравшим брюхо, а также обильной ржавчине, парковка состоялась давно и навеки.

– Прошу за мной. – Урфин перестал улыбаться. – Если, конечно, вы не передумали.

Не дождутся!

Я, может, и дура, но последовательная.

Миновав арку, мы оказались в маленьком, но уютном дворике. Здесь всюду цвел жасмин. Кусты сирени заслоняли ок-

на первых этажах, а на газонах то тут, то там виднелись желтые солнца одуванчиков. Скрипели качели на несуществующем ветру, и зеленый кленовый лист ластился к асфальту.

А вот людей не было.

Ни мамаш с колясками. Ни крикливой детворы. Ни даже зловредного и вездесущего племени городских старух.

И жасмин ничем не пах. Я специально остановилась, чтобы понюхать веточку.

Ничего! И цветы как пластиковые.

Все «страньше и страньше».

Запахи отсутствовали и в подъезде. Я потрогала стену, чтобы убедиться, что та материальна. Краска шершавая, а побелка за пальцы взялась. И старые перила вогнали в ладонь занозу, убеждая, что если это и сон, то высшей степени правдоподобности.

Урфин остановился перед невыразительной дверью, обитой синим дерматином. Золотистые шляпки гвоздей складывались в хитрый вензель, но рассмотреть его мне не позволили. Дверь открылась, и нас впустили в квартиру.

Тесная прихожая была завалена книгами. И тесный коридорчик был завален книгами. И комната... и вообще, складывалось впечатление, что сами стены этой квартиры сделаны не из бетона, а из пухлых томов, перетянутых для верности веревками. Хозяин книжной норы – невысокий, сутуловатый и весь какой-то скукоженный – кутался в красный халат с золотой отделкой. Из кармана халата торчали очки.

Вторая пара сидела на длинном носу, пребывавшем в постоянном движении. Третья – на лысой голове.

– Надеюсь, все готово, досточтимый мэтр Логмэр, – сказал Урфин таким тоном, что мне стало жаль бедного мэтра.

– К-конечно, г-готово, – ответил тот, слегка заикаясь. – Но, п-позвольте вам з-заметить, что ваши н-неосмотрительные д-действия создают прецедент. Я в-вынужден б-буду доложить.

– Докладывайте.

– Совсем распоясались. – Мэтр Логмэр водрузил одни очки поверх других.

Разглядывал меня он минуту, а то и две, прежде чем заинтересоваться:

– Вы пребываете в здравом уме?

– Пребываю.

– Не находитесь под действием алкоголя, наркотических или магических зелий?

– Не нахожусь.

Мэтр на слово не поверил, вытащил из кармана белую раковину внушительных размеров и, сунув мне под нос, велел:

– Дыхните.

Я подчинилась – чужие странности следует уважать. Мэтр поднес раковину к лампочке и после внимательнейшего изучения – даже ногтем скреб – отправил в карман. Вид у него стал совсем уж печальный.

– В-в... в таком случае б-будьте столь любезны ознако-

миться с договором и п-поставить п-подпись в означенном месте.

Договор занимал двадцать страниц, писанных, между прочим, от руки. И это были самые нудные страницы, которые мне когда-либо доводилось читать:

«...Настоящий договор (далее – Договор) заключен в 13-й день 7-го месяца сего года по стандартному от Раскола летоисчислению (даты указаны в приложении, далее Приложении, согласно Справочному Уставу) между протекторатом Инверклайд в лице лорда-советника Урфина Сайлуса, седьмого тана Атли (далее Доверенное Лицо), действующего от лица и по поручению мормэра Кайя Дохерти, исполняющего обязанности лорда-протектора (далее Доверяющее Лицо) и...»

На этом месте я вынуждена была прервать сие увлекательнейшее чтение, чтобы мэтр Логмэр внес в договор мои данные. Писал он медленно, сверяя каждую букву с паспортом.

– Читайте внимательно, – посоветовал мэтр, возвращая договор. – Люди на редкость н-невнимательны. И п-потом страдают. П-претензии п-предъявляют.

«...Доверяющее лицо предоставляет Исполнителю в невозвратное владение следующее движимое и недвижимое имущество...»

Список был внушительным, и первым номером в нем значился «замок каменный, стандартного проекта (прилагается в Приложении за номером...) о пяти башнях с тремя брон-

зовыми флюгерами и рвом в семь стандартных единиц глубины».

А после слов «назначить денежное содержание» я и вовсе быстро пролистала оставшиеся страницы, желая лишь одного – поставить свою подпись в «означенном месте», тем более что пункт «Обязанности» был до отвращения краток. Мне вменялось хранить честь рода и быть достойной женой.

Побуду. Вряд ли это сложно.

Подписывать пришлось три экземпляра, каждый из которых тут же заверялся печатью. Первый был вручен мне, второй – Урфину, а третий исчез среди книг.

– П-приступим к ф-формальностям, – сказал мэтр, надевая третью пару очков. – П-перчатка у вас?

– Конечно, мэтр. Леди, прошу вас. – Урфин извлек из воздуха перчатку.

– П-попрошу без в-ваших ф-фокусов.

– Извините, мэтр, но сами понимаете...

Из воздуха. Перчатку.

Перчаткищу!

Мешок из черной кожи, украшенной заклепками. Я не знаю, какой должна быть рука, для которой шили это, но Урфину перчатка достала до локтя.

– Вашу руку, леди.

Не то чтобы неприятно, скорее странное ощущение. Кожа теплая и мягкая, а швы на ней проступают этакими шрамами. Урфин сжимает мои пальцы, и в этой хватке нет ни следа

вежливости.

– П-повторяйте, – приказывает мэтр. – Я, Кайя Дохерти, беру тебя, Изольда, в жены...

– ...в жены...

– ...и буду верен тебе до самой смерти...

– ...смерти...

– ...я, Изольда, беру тебя...

Я повторяла за ним слова, на первом же слове голос разума сдавленно всхлипнул и заткнулся.

– ...в мужья... и буду верна тебе до самой смерти.

– Супружество, вами заключенное, я авторитетом Коллегии Хранителей права и собственным именем подтверждаю... Можете поцеловать невесту.

Урфин и поцеловал. По-братски. В щеку. А потом положил руки на шею и сдавил. Пальцы у него оказались железными.

Я рванулась.

Закричала, скорее даже захрипела.

И отключилась.

– В-вы сов-вершено п-потеряли с-совесть, Урфин. Хотя не д-думаю, что она у в-вас б-была. – Мэтр Логмэр отчаянно полировал стекла очков полой дрянного халата. – Я п-полагаю, что все это – в-ваша з-задумка. Н-не могу п-понять, как в-вы уговорили л-лорда-п-протектора.

– С трудом, мэтр. Но я воззвал к чувству долга.

– В д-детали, как п-полагаю, не п-посвящали?

– Совершенно верно.

Девушка лежала на полу. Сон ее обещал быть достаточно долгим и крепким, чтобы гарантировать спокойный переход.

– Он н-не об-брадуется.

– Это верно. Но как-нибудь переживем... – Урфин забросил новоиспеченную леди на плечо, решив, что пара лишних синяков не испортят и без того непростую ситуацию. – Стерпится – слюбится. Кажется, так здесь говорят.

Глава 2

Людам о леде

Одна леде пятьдесят раз упала в грязь по дороге дамой.

– Леде! – ахнул дворецкий, открывая дверь.

– С головы до ног, – мрачно кивнула леде.

«Басни о пчелах, или Занимательные истории о леде Дохерти», миннезингер Альбрехт фон Йохансдорф

Я сидела на подоконнике и ела вишни. Вишни были спелыми и сладкими, подоконник – широким, а земля – далекой. Вишневые косточки я бросала за окно из врожденной вредности.

Вообще-то пейзаж открывался душевный.

Небо синее. Море синее. Солнце желтое. Облачка белым кружевом. Волна к берегу катит, кораблики плывут... Идиллия просто. Вот только созерцаю ее третью неделю кряду, и от тоски тянет уже самой сигануть из окошка. Потом, глядишь, балладу сложат о неразделенной любви и прекрасной деве, чей призрак обречен навеки ждать возлюбленного. Пожалуй, именно это и останавливало мои суицидальные порывы. Ну, еще решетки на окнах и отсутствие возлюбленного, который, к несказанному счастью моему, застрял в неведомых краях.

Черт бы с ним, с возлюбленным, но вот решетки напрягли крепко.

Были они солидными, коваными, захочешь – не выломаешь. Я знаю, пробовала. Кажется, день на пятый своего здесь пребывания. И на шестой тоже. И на седьмой. Мне даже ложку принесли серебряную, чтобы камень ковырять легче стало. А вдруг да пораню свои нежные пальчики.

Под этим же предлогом ножа и вилки не дали.

Ложкой же ковырять решетки было не интересно.

Ну не свинство, а?

Мой единственный собеседник – рыжий котяра наглого характера и необъятных габаритов – сочувственно шевельнул ухом. Даже если он и не понимал меня, то хотя бы делал вид, что понимает. Остальные же...

Стоит начать сначала.

Очнулась я от запаха. Неопиcуемый смрад проник в ноздри, вырвав меня из такого уютного забвения. Я закашлялась и взмахнула руками, пытаюсь отодвинуть источник вони подальше.

– Ваша светлость, соизвольте открыть глаза. – Голос был мягким, как мои старые войлочные тапочки, и я сразу прониклась к обладателю его симпатией, хотя не сразу сообразила, что обращаются ко мне. «Ваша светлость»... очаровательно просто. Глаза я открыть соизволила, потому как с закрытыми было бы сложно понять, что происходит.

Во-первых, я лежала.

Во-вторых, кровать, на которой я лежала, была столь огромна, что я сразу ощутила собственные одиночество и никчемность.

В-третьих, четыре столпа – иначе и не назовешь – поддерживали синий балдахин, расшитый звездами. Честно говоря, сперва я приняла его за небо, лишь удивилась, что небо столь низко висит, и протянула руку, чтобы пощупать вышитую звезду.

Руку мою тотчас схватили и сжали крепкие теплые пальцы. Принадлежали они незнакомому мне типу, высокому, тощему, облаченному в черный балахон. На лысеющей голове его виднелась квадратная шапочка с золотой кистью. Кисть съехала на лоб, разделив его пополам.

Сосчитав пульс – а сердце колотилось, что ненормальное, – тип сдавил мне виски, повернув голову сначала влево, потом вправо, оттянул веки и внимательно осмотрел глаза, а потом и в рот попытался заглянуть. На этом месте терпение мое иссякло.

– Руки уберите, – почти вежливо попросила я.

В горле изрядно першило. Да и само горло побаливало.

С чего бы это вдруг? Ах да, меня же придушить пытались!

– Чрезвычайная хрупкость конституции вашей светлости требует особо бережного обращения!

Не знаю, кому это было сказано, но я согласилась. Да, моя светлость требует бережного с собой обращения, и нефиг ее за горло хватать. То есть меня.

– Где эта скотина? – осведомилась я и окончательно пришла в сознание. – И кто вы такой? И вообще, куда я попала?

Сев на кровати, я огляделась. Симпатичное помещенье-це подходящих для кровати размеров. И все такое нарядное. Очаровательное просто сочетание brutальной каменной кладки, шелковых портьер, позолоченных канделябров – потом я выяснила-таки, что золотых, – мрамора и дерева. Особенно впечатлил камин. Этакая пасть, облицованная камнем, а в ней огонь пылает.

Не знаю, как там по фэн-шуй положено, но камин в спальне – это круто. Сейчас я понимаю, что и практично, когда в доме нет центрального отопления.

– Не испытывает ли ваша светлость головокружение? Не ощущает ли горечь на языке? Сердечное стеснение? – продолжал допытываться тип, пристально вглядываясь в мое лицо. Подозреваю, что вид у меня был весьма специфический.

– Где я нахожусь? – Я повторила вопрос, понимая, что если не получу ответа, то завизжу от злости.

– Протекторат Инверклайд, – почтительно ответил тип. – Майорат Дохерти. – И, спохватившись, поспешил представиться: – Доктор медицинских наук Ллойд Макдаффин. Всегда к услугам вашей светлости.

Понятно. Точнее, ничего не понятно. Протекторат? Майорат? Доктор? Нет, ну с доктором ясно. Врачей недолюбливаю, но этот симпатичный. Заботливый. Вежливый. И выражение лица незамутненно-счастливое, как будто знакомство

со мной – величайшее достижение его жизни.

– Я имел честь учиться в Булонии. И пользовал многих знатных особ, – сообщил он мне. – Но вы, ваша светлость, несомненно...

– Помолчите. Пожалуйста.

Я попыталась встать, к вящему неодобрению доктора. Но перечить мне не посмели. И правильно, я не в том расположении духа, чтобы мне перечить. А на шее, и думать нечего, синяки будут.

– Тан Атли умоляет вас принять его нижайшие извинения. Он глубоко сожалеет о том досадном происшествии, которое...

Что-то я сомневаюсь насчет сожаления. И происшествие было отнюдь не случайным. Но с происшествием, таном и прочими жизненными неурядицами я разберусь позже. В данный момент у меня имелась цель – окно. Огромное окно с чудесными витражами. На темном стекле среди кувшинок и звезд плясали белые цапли. Правда, привлек меня не витраж.

Я дошла до окна сама, хотя на помощь бросились и доктор, и женщина с серым невыразительным лицом. Она все время была в комнате, но держалась в тени.

– Окно откройте. – Я уперлась в ставни и попыталась открыть сама. Ставни не поддавались.

– Ваша светлость! Там ночь! Прохладно! Ваше хрупкое здоровье...

Моему хрупкому здоровью не слишком вредили осенние походы с ночевкой. Так что и в окошко выглянуть ему лишь на пользу будет.

Створки все-таки поддались, просто они открывались не наружу, а внутрь. И не стекло было черным: за окном жила ночь. Густая, южная – мне однажды повезло побывать в Крыму, – она рядилась в яркие звезды. А крупная, словно нарисованная, луна была желта и приятно округла.

В лицо дохнуло свежестью.

И ветер был соленым на вкус. Такой ветер бывает лишь с моря...

А потом на мою ладонь села крупная нарядная бабочка. Крылья ее, каждое размером с тетрадный лист, имели удивительный зеленоватый оттенок, словно были вырезаны из куска нефрита. Пржилки на крыльях лишь усугубляли сходство.

Уже не сходство.

Я коснулась не живого существа – прохладного камня. Сквозь радужный срез его просвечивало пламя.

– Это каменный виан, – подсказал доктор. – Они живут лишь несколько часов в году. Вам повезло увидеть чудо, ваша светлость. Это хороший знак.

Пусть так, но... на Земле не водятся каменные вианы. По денки, и те, отжив короткий свой век, просто умирают, а не превращаются в камень. Мне ли не знать? Я отдала бабочку доктору и, послушная, вернулась в кровать. Я надеялась, что

вижу сон и утром проснусь. Дома...

Дома больше не было. Точнее, он был, но где-то далеко, за пределами этого мира.

Я кричала. Плакала. Требовала отпустить меня.

Доктор Макдаффин предлагал эликсиры, способствующие излитию желчи, что, по его мнению, должно было избавить меня от черной меланхолии.

Я послала доктора Макдаффина к каменным вианам и принялась за посуду. О, с каким самозабвенным удовольствием я швыряла в стену тарелки, тарелочки, блюдца, чашки, вазы и вазочки... и никто в чертовом замке не посмел меня остановить. Нет! Мне с завидной покорностью приносили новые и новые сервизы.

Изощренное издевательство!

И я устала.

От усталости ли, от нервного ли расстройства или же от того легкого ветерка разболелась голова. За мигренью последовал кашель, поднялся жар, уложивший меня в постель. А когда я все-таки поднялась – с детства не люблю болеть, – то в тот же день вывихнула ногу. И ведь споткнулась на ровном месте! Пока бинтовали ногу, я загнала в ладонь занозу. Ее вытащили, но к вечеру ранка загноилась. Еще куриный бульон оказался прокисшим, изрядно испортив ночь, а утром кровь из носу пошла...

– Жидкости в организме вашей светлости пришли в небывалое смятение. – Доктор Макдаффин разговаривал со мной

ласково, как с душевнобольной. И я понимала, что, еще немного, и вправду свихнусь. – Причиной какого является преодоление разрыва между листами...

Он в общем-то был неплохим человеком, только слегка странным. Но к моей иномирности относился с поразительным спокойствием, как будто не видел в том ничего удивительного. А может, и вправду не видел.

– ...а это – серьезнейшее испытание даже для тана Атли, чьи выдающиеся способности...

Сволочь он, этот тан Атли, который благоразумно избегает встреч со мной. Болен он, как же. Помнится, в единственную нашу встречу он был до омерзения здоров. А тут вдруг слег, бедолажка. Впору цветы послать. Или открытку с пожеланием скорейшего выздоровления.

– ...не говоря уже о столь нежных созданиях, каковыми являются женщины. Ах, если бы я имел счастливую возможность составить гороскоп вашей светлости, я сумел бы отыскать то средство, которое успокоило бы...

Меня успокоил бы хороший пинок, который я с превеликим удовольствием отвесила бы драгоценному тану. Но пришлось довольствоваться пузырьком со льдом и мятной эссенцией, которую заботливо втирали мне в виски. Она ли помогла, или жидкости моего тела успокоились-таки к вящему облегчению доктора, но спустя неделю я вновь была бодрой и энергичной.

Тогда-то и прояснились некоторые обстоятельства.

Во-первых, муж нашей светлости – их светлость лорд-протектор Кайя Дохерти, отсутствует, и как долго это отсутствие продлится, никто не знает.

Во-вторых, во время одного отсутствия замком, равно как и протекторатом, управляет доверенное лицо, сиречь их сиятельство лорд-советник Урфин.

В-третьих, мне запрещено покидать пределы комнаты и общаться с кем-либо помимо милейшего доктора, моей камеристки Гленны и рыжего кота. Кот вряд ли входил в список разрешенных контактов, но плевать хотел на запреты их сиятельства и просто однажды выполз из-под кровати с толстой крысой в зубах.

В-четвертых, мне категорически рекомендован постельный режим и отсутствие всяческих волнений, каковые оказывают губительное воздействие на слабый женский разум.

В-пятых, и последних, отменить запреты может лишь их сиятельство, который в настоящий момент времени не готов предстать пред очами нашей светлости и объясниться...

Вот и оставалось – сидеть на подоконнике, глазеть на море и есть вишню, лениво обдумывая план побега.

– Ну не сволочь ли он, а? – Я почесала кота за ухом. – Как есть сволочь...

Кот открыл оба глаза и зашипел. Не на меня – на дверь. А она возьми и откройся.

– Ваша светлость! – Гленна присела в обычном своем поклоне, от которого я пыталась отучить ее последнюю неделю.

Надо же было хоть чем-то заняться. – Их сиятельство лорд-советник спрашивают, не сообразовали ли вы принять его.

– Мы солбако... собако... короче, зови.

Все-таки чувствую, леди из меня выйдет фиговая.

Посреднику случалось улаживать самые разные дела, многие из которых входили в некоторое противоречие с законом, что тем самым повышало стоимость услуг. Жизненный опыт и чутье позволяли ему избегать неприятностей, а также определять не только платежеспособность, но и серьезность намерений клиента.

Нынешний был серьезен, хотя и несколько необычен для данного закрытого мирка.

– Какого рода специалист вам необходим? – Посредник разговаривал мягко и веки полуприкрыл, что создавало у клиентов ощущение некоторой его отрешенности. И лени.

А лень ассоциировалась со слабостью.

И клиенты сами себя уверяли, что посредник безопасен. При любом исходе переговоров.

Были правы.

Отказ от сотрудничества еще не повод для убийства. В распоряжении посредника имелось множество иных, куда менее травматичных способов сгладить шероховатости, возникавшие время от времени.

– Мне нужен специалист, который... – Клиент не спешил. Он явно обдумал все не единожды, но сейчас вновь взвеси-

вал каждый довод, подводя себя к краю. – Который умеет обращаться с оружием.

– Каким?

Вряд ли клиент стал бы искать в ином мире то, чего хватало в его собственном. А умение понимать желания клиента, даже не высказанные вслух, в значительной мере повышало шансы посредника на удачную сделку.

– Огнестрельным.

Ответ был ожидаем. И клиент, с ходу не получив отказа, продолжил:

– Оружие он принесет с собой.

Это очевидно. В полумертвом мире приличной винтовки не найти.

– Сколько целей?

– Одна.

– Расстояние до цели?

Пауза в разговоре. И ответ:

– Чем больше, тем лучше.

Снайпер, значит. У посредника имелся знакомый снайпер, который любил работать в удаленных мирах, закрытых для Хаота. Осталось выяснить последний фактор.

– Срок исполнения заказа?

И клиент, расцепив замок из пальцев, сказал:

– Мне необходимо, чтобы специалист прибыл сейчас.

И пробыл здесь некоторое время. Возможно, длительное... до полугода.

– Так не принято. Мир имеет обыкновение... привязывать чужаков.

– То есть вы отказываетесь?

Посредник редко отказывался от сделки, пусть бы и столь странной. Зачем держать снайпера полгода? Рисковать разоблачением? Чужак всегда выделяется.

Впрочем... тот специалист, о котором посредник думал, любил игры. И нуждался в смене мира.

– Нет, не отказываюсь. Но цена...

– Цена не имеет значения.

Красивые слова, в которых правды было не больше, чем в нынешней биографии посредника. К слову, биография обошлась недешево, не говоря уже о лицензии на торговлю с закрытым миром. Впрочем, торговля оказалась куда более прибыльным занятием, чем посредник предполагал, что не отменило возможности альтернативного заработка.

– Я дам ответ при следующей нашей встрече. – Посредник почти не сомневался, что ответ будет положительным.

Юго никогда не отказывался от работы.

Глава 3

Лорд, который гуляет сам по себе

*В кустах рояль, а в нем – отряд гвардейцев!
Неожиданный сюжетный поворот
истории, рассказанной старым солдатом
за кружечкой темного эля в таверне «Рогатая
кобыла»*

Выглядели их сиятельство презанятнейшим образом.

Нет, костюмчик выше всяких похвал. Воротник кружевной топорщится. Камзол блистает алмазными россыпями. Панталоны с бантами и вовсе слезу умиления вызвали. А мода здесь люгует...

– Доброго дня, ваша светлость, – сказал Урфин, одарив меня поклоном.

Я подобрала полы халата и вежливо кивнула в ответ:

– И вам доброго дня.

Какой-то он бледный очень. Щеки ввалились, веки набрякли, а глаза и вовсе красные, как у кролика с перепоею. И эта испарина на лбу подозрение вызывает. Надо бы попросить милейшего доктора, пусть одарит Урфина вниманием,отрегулирует приток жидкостей телесных к мозгу, если оный у их сиятельства имеется.

В моей душе шевельнулось сочувствие, но было отловле-

но и удушено недрогнувшей рукой.

– Прошу простить мой неподобающий вид. – Он сел в кресло, между прочим, мною облюбованное, и вцепился в подлокотники. – Но мне кажется, что наша с вами беседа стоит некоторых неудобств.

Я охотно согласилась, а заодно осталась сидеть на подоконнике – и тепло, и довольно удобно, и на расстоянии от Урфина. Уж больно тянет ему пакость сотворить.

– Спрашивайте, – разрешил он.

Добрый какой. И на вопросы мои он ответит честно, аки свидетель на процессе. Осталось Библию торжественно внести. Или Конституцию.

– Я в другом мире? – задала я первый вопрос. – И приволок меня ты?

– Да. И снова да.

– Как?

– Тебе с точки зрения магии или физики объяснить?

– Как тебе удобней.

– Никак. – Их сиятельство ослабли самым вызывающим образом. – Я открываю двери. Но не имею ни малейшего представления о том, как они устроены.

Ладно. Допустим, я поверила. В конечном итоге я, включая телевизор, не слишком задумываюсь о микросхемах, кристаллах и о том, откуда берется электричество.

Я в другом мире. Факт.

Я жива. Здорова. И способна понимать речь устную и

письменную. Примем как данность.

Но есть момент, который волнует меня куда больше всех остальных, вместе взятых.

– Когда я вернусь домой?

Имелись некие подозрения, которые Урфин охотно подтвердил.

– Никогда.

Неделю назад я швырнула бы в него миской, не пожалев остатков вишни. И сейчас искушение было столь велико, что я спрятала руки за спину. Минуту мы с Урфином играли в гляделки, и победил он. Ну не могла я спокойно смотреть в эти красные беспомощные глаза!

– Есть несколько препятствий. – Он заговорил сам, приняв поднесенный Гленной кубок. И могу поклясться, что подавала она его с опаской, стараясь не коснуться его сиятельства ненароком.

Может, он заразный?

Но тогда не притащился бы. К нашей-то светлости с ее хрупким здоровьем, при упоминании о котором у меня уже икота начинается.

– Первое – вы заключили договор. И обязаны его исполнить.

Но в договоре – я читала его раз десять, все равно больше читать было нечего – ни слова о столь радикальной смене прописки!

– Уж поверьте, – Урфин слабо улыбнулся, и вид у него

сделался вовсе жалким, – книгочеи в жизни не допустят расторжения договора. Профессиональная честь... но, даже если получится, остается второе препятствие. Переход между мирами отнимает силы. Перенос между мирами обессиливает совершенно. Видите, в каком я состоянии? У меня физически не хватит сил открыть дверь.

Это он намекает, что я виновата? Между прочим, я не просила меня переносить! Я прошу поставить меня обратно! Требую даже!

– Гленна, выйдите, – приказал Урфин, проведя по шее. Готова спорить, что воротник этот, больше похожий на кружевной ошейник, неудобен до жути.

Она подчинилась, пусть и неохотно. Моя камеристка, женщина неразговорчивая, но в общем-то добрая, глядела на Урфина так... не знаю даже, как сказать. Пожалуй, так смотрят на не слишком порядочного гостя, выставить которого не имеют возможности, но после ухода его непременно пересчитают серебряные ложечки.

– Они знают, что вы не отсюда, но не знают, откуда именно. Им это не интересно. Им здесь вообще мало что интересно, но оно к лучшему. Вам не стоит распространяться о Земле. Ваш мир слишком отличается от нашего.

Ну да, я заметила.

Электричества нет. Телевидения нет. И радио тоже нет. Хорошо, что хоть горячая вода есть. И туалет имеется, между прочим, из цельного фарфора, расписанного под гжель.

– И я говорю не о внешних отличиях, а о внутренних. Вы потом сами поймете. Вы ведь не дура, Иза.

Сахарок комплимента, чтобы я не буйствовала? Так я вроде и не буйствую. Руки по-прежнему за спиной держу. Смирена аки монахиня под суровым взглядом престарелого епископа.

– Отпустите меня домой. – Я говорила так жалобно, как могла. – К маме.

А вместо того чтобы посочувствовать, Урфин рассмеялся. Смех у него неприятный, всхлипывающий. И вообще, чего тут веселого? Может, по мне и вправду мама тоскует.

– Извините, Иза. Но если бы ваша мама была жива, вряд ли бы вы здесь сидели. И не обязательно мать, но хотя бы кто-то, кому вы не безразличны. Видите ли, мир живой. Любой мир. Представьте, что люди, животные, растения, что любая вещь – это часть мира. Сердце, печень, легкие...

...двадцать метров кишечника, костный мозг и полкило хряща. Но аналогия в целом понятна.

– ...Вытащите из человека сердце, и он умрет. Отрежьте палец, и он будет жить, но останется калекой.

Урфин прервался, чтобы отдышаться. Похоже, ему и вправду досталось.

Мог бы и меня к себе пригласить. Или здесь так не принято?

Но жалеть его не стану! Вот не стану, и все!

– Только вряд ли вы добровольно отдадите даже ноготь.

Здесь он прав. Не отдам. Ногти самой нужны... маникюр бы еще сделать... и к парикмахеру заглянуть... подозреваю, что я похожа на чучело.

– А ноготь не расстанется с вами добровольно. Вы держитесь за мир. Мир держится за вас. Родители. Дети. Мужья и жены. Друзья. Приятели. Тысячи и тысячи тончайших нитей, созданных вами же, вас удерживают. И мне пришлось рубить эти нити. Но именно нити.

– То есть я – ноготь?

– Скорее, волос. Или чешуйка отмершей кожи.

Очень приятно осознавать себя перхотью на голове мира.

– Мне повезло с тобой, – без всякой насмешки сказал Урфин. – Я не смог бы вытащить человека, которого мир держал.

А я, выходит, не нужна была.

Обидно. До слез обидно, но перед их сиятельством, которые пусть и не солгали, но не сказали и правды, я плакать не стану. Хуже всего, что он прав, чего уж тут.

Мама умерла, давно, но сердце еще болит. Бабушка ушла и того раньше. Отец? Не представляю даже, как он выглядит. Друзья? Кроме Машки, не было, а с Машкой вот ерунда вышла. Да и получается, что ей на меня плевать.

– И... и как ты понял?

– Кольцо.

Кольцо осталось при мне. И камень, синий, как море за окном, напоминал мне, из-за чего я попала в эту передрагу.

– Ты его увидела. И надела. Ты настолько выпала из своего мира, что сумела прикоснуться к частице другого.

А небеса не разверзлись. Жалость какая.

– И эта частица тебя не оттолкнула. Значит, был шанс...

Он как-то не вовремя замолчал. Но я не стала подталкивать вопросами. Вообще, кажется, начинаю осознавать правдивость поговорки: меньше знаешь – крепче спишь.

– В твоём мире умеют пересаживать части человека друг другу. Но, насколько я знаю, тело может не принять орган, который в него вживили. Мир тоже норовит избавиться от чужого.

От меня? И каким же образом?

Обыкновенным. Простуда. Отравление. Нога подвернутая. И то чертово кровотечение, которое никак не удавалось остановить.

– Видишь, ты сама все поняла. И да, ты могла умереть. – Урфин поднял руки, упреждая возмущенный вопль. – Я планировал поставить защиту, но не смог. Хотя и так все получилось.

Получилось? Да я на горшке полночи провела! А мигрень?! А тошнота постоянная?! Жар, от которого все кости ныли?!

От меня, видите ли, мир избавиться желал.

Что я ему плохого сделала?

– Могло быть хуже. – Урфин рванул воротник и, когда избавиться не вышло, просто сжал голову, словно пытался

раздавить ее. – Пожар. Ураган. Землетрясение. Дракон, на худой конец...

– А тут и драконы водятся?

– Нет, но ради тебя завелись бы...

Какая очаровательная любезность со стороны мироздания. Не каждая леди собственного дракона удостоится.

– Но ты жива и вполне здорова...

Не его за это благодарить.

– ...следовательно, мир тебя принял. Но мой тебе совет. Будь осторожна. Не ешь незнакомую еду. Не балуйся с острыми предметами. Под ноги смотри...

– «...не стойте и не прыгайте, не пойте, не пляшите там, где идет строительство или подвешен груз», – процитировала я. И Урфин улыбнулся, причем эта улыбка чем-то отличалась от предыдущих. Не скажу чем, но я вдруг сразу перестала на него злиться.

– Послушай, – Урфин заговорил тихо и мягко, – я понимаю, что сейчас тебе нелегко, но подумай сама. Что тебя ждало?

Понятия не имею. Безоблачное счастье с мужем-олигархом, виллой в Испании и летом на Лазурном Берегу? Или, куда вероятней, при толике везения тихое существование в ипостаси бухгалтерши, пятничные посиделки на работе, сплетни коллег и мелочная зависть друг к другу, которая отравляет жизнь похлеще цианистого калия. А еще вероятней – ночевки на вокзале и все, что за ними следует.

– Мир избавляется от тех, кто ему не нужен. Несчастный случай. Или просто череда неудач, которая давит, пока не раздавит. Агония в обнимку с бутылкой. Или злой человек с ножом в переулке. Тысяча дверей, и все заперты. Я дал тебе шанс.

Он прав, и от этого только горше. Как бы то ни было, не Урфину решать. Он мог бы рассказать все как есть и... Что бы я сделала? Хватило бы у меня духу согласиться на его такое заманчивое предложение? Ой, вряд ли.

– Твой муж богат, как ты хотела. Он знатного рода. Его власть в пределах протектората безгранична. Он не стар. Не уродлив...

Все это чудесно, вот только жену этому замечательному человеку пришлось искать в другом мире. И чем дальше, тем больше меня занимает вопрос: почему?

– Он... – Я заглянула Урфину в глаза в робкой надежде, что по ним узнаю ложь. – Он садист?

– Что?

– Он бьет женщин?

И если так, то мне останется лишь сигануть из окна. Или использовать одну из атласных лент, которыми разукрашен мой халат, в качестве удавки.

Урфин несколько секунд разглядывал меня с явным удивлением, словно этот вопрос был последним из ожидаемых им, затем вздохнул и ответил:

– Я не могу себе представить, что должна совершить жен-

щина, чтобы Кайя поднял на нее руку. Ты только ему таких вопросов не задавай, ладно? Постарайся просто отнестись к нему по-человечески, и все у вас будет хорошо.

– Тебе это гадалка нагадала?

– Вроде того.

– И поверил?

– Это очень хорошая гадалка. Она не ошибается.

Не скажет, пока не задам вопрос прямо. А я задам. Не постесняюсь:

– Все-таки... почему я?

И снова он ответил не сразу. Складывалось впечатление, что Урфин еще не решил, стоит ли мне доверять, а если стоит, то насколько.

– Ты – наименьшее зло, – сказал он. – Сама увидишь.

Урфин поднялся не без труда. Разговор наш стоил ему сил, которых у его сиятельства оставалось не так и много. Споткнувшись на ровном месте – начинаю подозревать, что это место не такое и ровное, – Урфин с трудом удержал равновесие. Спрыгнув с подоконника, я поддержала его – вдруг да упадет, ногу вывихнет или там шею свернет, а потом меня виноватой сделают.

– Не стоит, ваша светлость. – Урфин глянул на меня так странно, что я сама убрала руки. Хочет падать – пусть падает.

А у них здесь, наверное, не принято, чтобы леди помощь предлагали.

– Ваш супруг скоро вернется. – Взгляд стал прежним, от-

решенным и даже слегка ледяным, как будто я вдруг в чем-то провинилась. – И я надеюсь, что к его возвращению вас приведут в порядок.

Зачем приводить? Я и так в порядке в отличие от некоторых.

Лорд-канцлер ожидал у подъемника. Конечно, он делал вид, что вовсе не Урфина ждет, а попросту прогуливается, любуясь видом и мраморными горгульями. Стража делала вид, что верит и что им нет дела ни до Урфина, ни до лорда-канцлера.

– Мормэр Кормак. – Урфин слишком ослаб, чтобы кланяться, но старик наверняка сочтет сие непроизвольное нарушение этикета оскорблением. Впрочем, если бы Урфин все-таки поклонился, все равно поклон сочли бы излишне дерзким и опять же оскорбительным.

– Тан Атли.

Вензель, вычерченный полый плаща, был идеален.

– Как ваша спина? – осведомился лорд-канцлер с совершенно искренней заботой в голосе.

– Спасибо, хорошо.

– Я рад за вас... безусловно, премного рад за вас. Слышал, что вы беседовали с ее светлостью. Позвольте узнать, когда же мы удостоимся высокой чести лицезреть леди Дохерти, дабы засвидетельствовать ей свое почтение и восхищение?

Старый сыч мог говорить долго, а вот Урфин не обладал

ни временем, ни силами, чтобы выслушивать весь этот витиеватый бред.

– Чего вы хотите?

– Хочу понять, как далеко заходит ваша самоуверенность, тан. Неужели вы и вправду надеетесь, что и эта выходка сойдет вам с рук? Или вы вновь всего-навсего не подумали о последствиях? Должен вас предупредить, что при всей моей к вам симпатии я отослал гонца к его светлости...

– Спасибо за заботу.

– ...и в послании изложил все, свидетелем чему стал. Боюсь, вас ждет неприятная встреча.

И прежде чем удалиться, лорд-канцлер отвесил еще один весьма изысканный поклон.

Оказавшись в клетке подъемника, Урфин опустился на пол. Он очень надеялся, что у него есть еще неделя или две до возвращения Кайя. И пять минут после, чтобы объяснить-

Глава 4

Чудесный новый мир

Одна леди всегда ковыряла в носу в перчатках.

Потому что холеные пальчики и ухоженные ногти – главный признак настоящей леди.

«Басни о пчелах, или Занимательные истории о леди Дохерти», миннезингер Альбрехт фон Йохансдорф

Первым не выдержал ягненок. Он жалобно заблеял, взбрыкнул, а затем по юбке моей потекло что-то прозрачное, теплое и с характерным запахом.

– Ах, леди! – хором воскликнули мои фрейлины и заученно закатили очи. Слава тебе господи, что сознания ни одна не лишилась. С них станется.

Придворный живописец, до сего момента увлеченно запечатлевавший неземную красоту нашей светлости, замер с приоткрытым ртом, тоже готовый не то в обморок упасть, не то просто на колени.

На колени здесь падали легко, даже привычно.

– Ужасно! – Первой опомнилась леди Лоу, старшая фрейлина, девица весьма неглупая, я бы сказала, себе на уме. Со мной она держалась если не свободно, то уж менее скованно, чем прочие. Единственное – в подчеркнутой любезности ее мне временами виделась издевка.

– Кошмар! – поддержала ее леди Ингрид, выделявшаяся среди прочих ростом и нелюбовью к парикам, что было вполне объяснимо: собственные рыжие волосы Ингрид были чудом как хороши.

– Бедолага просто устал. – Я передала ягненка лакею.

Признаться, я уже привыкла к тому, что рядом всегда есть кто-то, готовый услужить нашей светлости. Ну да, угождают не столько мне, сколько моему супругу, которого я до сих пор не удостоилась чести лицезреть.

И ладно. Мне и без него неплохо.

А переоденусь, так совсем хорошо станет.

– Ваша светлость желает сменить наряд?

– ...принять ванну...

– ...отдохнуть...

Наша светлость желала тишины и покоя, но это было невозможно. После того как тан Атли снял карантин, жизнь моя претерпела некоторые изменения. Так, отныне утро начиналось с появления дежурной фрейлины, которой вменялось в обязанность разделить со мной завтрак, помочь принять ванну и облачиться в домашний халат. Последние два пункта я, к недоумению прекрасных леди, выполняла сама, а вот завтраком делилась. Еды мне не жаль.

Тем более ели они более чем символично.

Затем в покои допускался куафер – некий гибрид парикмахера и косметолога. Первое наше знакомство было не слишком удачным, поскольку сей очаровательный мужчи-

на, чем-то напоминавший бочонок в кружевах, вознамерился сбрить мне брови. Я ответила, что лучше бы ему не пытаться.

Куафер настаивал.

Я пригрозила, что его самого налысо обрею. И парик надеть отказалась. Рыжий. Черный. Белый. Любой. И даже розовенький, щедро усыпанный стразами. Правда, потом выяснилось, что стразы – это натуральные алмазы, ибо меньшее мне по статусу не положено... а если мне не по вкусу алмазы, то их тотчас заменят на сапфиры, рубины, изумруды... Ну да не важно. Мода модой, а здравый смысл здравым смыслом.

Здесьняя мода – отдельный разговор.

Когда-то, просматривая исторические фильмы, я люто завидовала героиням. О, как хотелось мне примерить роскошное платье века этак восемнадцатого... семнадцатого... чтобы юбки, кружева, корсеты.

Можно себя поздравить – сбылась мечта идиотки.

Платьев у нашей светлости целая комната. А к ним – кружевные воротники, нижние юбки, верхние юбки, рубашки, корсеты, панталоны с шелковыми чулками, к которым в комплекте шли атласные подвязки. Сам по себе каждый предмет – произведение искусства. Но вот носить это...

Чулки норовили соскользнуть. Панталоны были жутко неудобны, хотя бы потому, что застегивались сзади. В рубашках я путалась, а корсет, который дорогая моя Гленна затягивала с особой тщательностью, придавал моему обли-

ку не только изящество, но и требуемую бледность. К бледности прилагались устойчивый звон в ушах, мошкара перед глазами и прочие явные признаки кислородного голодания.

Я искренне пыталась отбиться от высокой чести, но выяснилось, что корсет – едва ли не самая важная часть туалета благородной дамы. И после долгих препирательств, где рассудок явно пасовал перед чувством долга, мы с Гленной сошлись на том, что его просто не будут шнуровать так туго, а то нашей светлости дороги ребра и мозг еще, как подозреваю, пригодится.

А что талия чуть больше положенного модой – так я привыкла.

Кринолины тоже пришлись мне не по нраву. Да и много ли радости в том, что к вам, полузадушенной корсетом, крепят конструкцию, напоминающую гигантский абажур. На конструкцию укладывают юбку, потом – нижнее платье. А уж на него – верхнее. Выглядит, безусловно, потрясающе, но вот передвигаться в такой «сбруе» крайне неудобно. Я терпела. И мысленно прикидывала, как бы половчей революцию устроить. Для начала, к примеру, трусы изобрести. А там, глядишь, и до лифчика дело дойдет. Мне-то он ни к чему, но некоторым дамам явно пригодится.

Если серьезно, то я помню наш с Урфином разговор и чем больше думаю, тем яснее осознаю правоту тана. Я не вернусь домой? Пускай. Начинают ведь жизнь с чистого листа, и что за беда, если открыт этот лист в другом мире. Здесь я богата

и знатна. У меня есть собственный замок, трехпалубная галера и супруг, который когда-нибудь да объявится.

Морально я готова к встрече. Ну, более-менее.

– ...Ваша светлость. – Из задумчивости меня вывела Тисса, самая юная из моих фрейлин.

Их, вообще, было восемь. Все как на подбор – молоды, прекрасны по местным меркам и знатны. Леди Лоу – дочь самого лорда-канцлера. Леди Ингрид – лорда-казначея... и так далее. Леди Тисса выделялась не только возрастом – на вид ей было не больше шестнадцати, а на самом деле, подзреваю, меньше, – но и какой-то ненаигранной робостью. Краснела она столь же легко, как и бледнела. А от обмороков благоразумно воздерживалась.

– Вы желали бы надеть синее или зеленое? – Леди Тисса указала на платья, которые принесли в комнату. Оба наряда выглядели уныло одинаковыми. Крой. Ткань. Только синее было расшито розами, а зеленое – астрами.

Нет, с местной модой определенно пора что-то делать.

– Конечно, синее! – решила за меня леди Лоу. – Оно оттенит чудесный цвет глаз вашей светлости.

Глаза у меня серые и не особо выразительные, так что вряд ли цвет платья сыграет какую-то роль. И мне, честно говоря, действительно плевать. А вот Тисса покраснела, уши ее и вовсе стали пунцовыми.

Я пожалела девочку.

– Зеленое. – Я улыбнулась Тиссе, но она поспешно отвер-

нулась, как будто стеснялась смотреть мне в глаза. И я догадывалась о причинах такого стеснения.

Кто на свете всех милее, всех румяней и белее? Ответ известен – наша светлость!

У нашей светлости чудесная фигура, от которой веет юностью. А короткие волосы вовсе не недостаток, потому что в нашей светлости недостатков нет.

Кожа смугловата? Как свежо!

Брови на отведенном природой месте? Как естественно и оригинально!

Уши не оттопырены и губы пухловаты? Это придает нашей светлости индивидуальность.

А еще у нас со светлостью оригинальные суждения и эксцентричный юмор. Мы вообще столь необычны, что у неподготовленных людей, вроде лорда-канцлера, икота начинается.

Ложь. Каждое слово, каждый поклон, сама эта готовность потакать во всем – ложь. Правда – в случайно пойманных взглядах, в которых я читала и удивление, и презрение, и плохо спрятанную злость. Похоже, я заняла чужое место. Чье? Леди Лоу, благородной до того, что сама мысль о служении кому-то повергает ее в ужас? Но леди слишком хорошо воспитана, в отличие от нашей светлости, чтобы этот ужас демонстрировать.

Дебеловатой сонной Ингрид, которая почти дружелюбна, но куда хуже владеет собой, и порой сквозь маску ее безуча-

стия прорывается такая брезгливая жалость. Наверняка они судачат о нашей светлости. И тень этих разговоров мешает Тиссе смотреть мне в глаза.

Как-нибудь переживу.

– А давайте играть в цветы! – воскликнула леди Тианна, существо легкое и в принципе беззлобное. Колибри злыми не бывают. – На фанты!

– Без меня. – Я знала правила игры, то же самое, что игра в города, но только с цветами. Нарцисс, сирень, незабудка, астра... ничего сложного. Это было даже весело, и проиграть я не боялась.

Скорее уж боялась выиграть.

Наша светлость выигрывали всегда. По официальной версии – благодаря незаурядному уму, обширным познаниям и так далее. Сначала было приятно. Потом... мерзко. Этакая победа с тухлым запашком.

– Чур, кто задание не выполнит, тот фант теряет! – поддержала Тианну леди Лоу. – Или выкупает! А деньги мы раздадим бедным.

Подозреваю, что леди Лоу если и видела бедных, то издали, а то и вовсе полагала их мифическими персонажами вроде единорогов. Но благотворительность – вечная тема. И фрейлины охотно поддержали идею. Мне оставалось лишь согласиться и указать на ту, которая начнет вязать цепочку слов. Выбор я сделала быстро:

– Тисса, ты будешь первой... Назови мне цветок на бук-

ву «а».

– Азалия! – воскликнула Тисса. Девочка обожала игры и веселилась настолько искренне, что мне самой становилось радостно.

– Ятрышник!

– Куколь!

– Это не цветок!

– Нет, цветок!

– Ваша светлость, скажите ей! – воззвали хором и громко, позабыв, что леди полагается говорить тихо, а желательно и вовсе не говорить, но лишь взирать на собеседников с печалью в очах.

Для пушей печальности нижние веки чернили.

– Цветок, – вынесла я вердикт.

– Лилия...

– ...раз, два, три... фант! Ваша светлость!

Фанты передавали мне, и постепенно на серебряном подносе собралось множество очаровательных мелочей. Колечки, брошки, атласные ленточки и бантики, которыми украшали прически, заколки для волос и даже изумрудный браслет, отданный леди Лоу небрежно, словно он ничего не стоил.

Основное веселье началось, когда пришла пора возвращать фанты. Не сказать чтобы задания отличались разнообразием, в основном они были творческими. Стихи, сочиненные тут же по опорным словам, рисунки на песчаной дос-

ке... выпрошенная через окошко роза, за которой все вместе спускали веревку, сплетенную из атласных лент. У леди Лоу оказалось неожиданно приятное сопрано, а баллада о любви простого рыцаря к леди тронула не только мое сердце.

– Пусть остается. – Леди благородно отказалась от браслета. – В пользу бедных.

Последним фантом было колечко, простенькое, я бы сказала, чересчур простенькое, без камней, гравировки и вообще каких бы то ни было украшений. Да и сделано не из золота.

– А этому фанту... – Право загадывать перешло к леди Лоу. Она сделала вид, что думает, и на идеальном лбу появилась крохотная морщинка. – Этому фанту... подарить поцелуй Чуме!

Тисса сдавленно всхлипнула, а леди Лоу, будто не слыша, велела:

– Гленна, будьте добры, прикажите тану Атли явиться.

Вот на этом месте веселье меня покинуло. Я еще не понимала, что происходит, но, судя по белому – белее меловой пудры, которой фрейлины пользовались без всякой меры, – лицу Тиссы, задание было вовсе не смешным.

Вмешаться? Отменить? И нарушить правила игры? Оставить все как есть?

Урфин не похож на человека, который причинит вред ребенку. Или похож?

– Тисса, милая, ты доставляешь волнение ее светлости, –

промурлыкала Лоу, беря несчастную за руку. – Это же шутка, не более того...

Ох, что-то я сомневаюсь. Надеюсь, у тана Атли хватит ума сказаться больным.

Увы, удача была не на моей стороне. Урфин предстал передо мной, аки Сивка-Бурка. Выглядел он, кстати, куда лучше, чем в прошлый раз.

– Ваша светлость! – Церемонный поклон в его исполнении не выглядел смешным. А вот у меня чертовы приседания, которыми полагалось приветствовать лордов и леди, до сих пор не получались.

– Рады видеть вас в добром здравии, тан Атли, – без тени радости сказала Лоу. – И просим прощения, если оторвали от важных государственных дел, но...

Она подтолкнула Тиссу, которая пребывала в состоянии, близком к обмороку.

– ...у леди Тиссы к вам дело. Оно не займет много времени.

Следовало бы остановить этот цирк, но меня охватило странное оцепенение. Я, и Лоу, и прочие фрейлины, внезапно притихшие, ставшие похожими на перепуганных пташек, что жмутся друг к другу, ища поддержки, смотрели, как Тисса подходит к Урфину.

Поднимается на цыпочки.

Касается губами щеки и в следующий миг падает.

Урфин успел подхватить ее.

– Мы играли в фанты, – выдавила я в ответ на взгляд Урфина. Было в его глазах что-то помимо удивления. Ярость? Обида?

Не знаю.

Тиссу уложили на диванчик и принялись обмахивать. Костяные веера стучали, сталкиваясь друг с другом.

– Встреча с вами взволновала бедняжку, тан. – Лоу вытащила ажурный флакон с нюхательной солью. Но и это радикальное средство не привело Тиссу в сознание. – Она так много слышала... всякого... думаю, с сегодняшнего дня она и вовсе будет вами очарована.

– Увы, мое сердце отдано лишь вам, – очень медленно произнес Урфин. – И это чувство столь огромно, что я готов умолять лорда-протектора оказать мне высокую честь и донести до вашего отца скромную мою просьбу. Теперь, полагаю, ее исполнят.

Леди Лоу все же не всегда справлялась с эмоциями. Сквозь трещины в ее маске проглядывало искреннее отвращение, к которому примешивалась изрядная толика брезгливости.

Урфина здесь не просто недолюбливают. Его откровенно ненавидят.

И боятся.

Хорошее сочетание, нечего сказать.

– Вы знаете, что это невозможно. – Леди Лоу сумела взять себя в руки.

– Невозможное не всегда является недостижимым. Леди, – Урфин поклонился, – ваша светлость. Надеюсь, не слишком помешаю вашему веселью. У меня есть новости для вас.

И требуют они частной беседы.

Я уже думать начинаю так, как они здесь говорят: половина мыслей вслух, вторая – для внутреннего пользования.

– Оставьте нас, – велел Урфин, и его приказ был исполнен незамедлительно. Даже Тисса, которую совокупными усилиями вернули в сознание, ушла.

– Это была дурная шутка. – Урфин произнес это после секундной паузы.

– Я уже поняла. – Колечко все еще было у меня. Простенькое. Дешевенькое. Наверняка оно много значило для Тиссы, если она предпочла переступить через свой страх, но не потерять кольцо. – Простите, что втянула вас... тебя.

– И ты прости, что не предупредил. С ними... надо быть настороже. Особенно с некоторыми.

Это он о леди Лоу?

Урфин занял мягкий табурет, один из тех, что полагались фрейлинам. На стульях в присутствии нашей светлости сидеть не позволялось.

– Твой муж возвращается, – сказал тан Атли.

Возвращается... я ведь ждала. Не то чтобы с надеждой, скорее с опаской, и, пожалуйста, дождалась. Екнуло сердце, сжалось болезненно, и слезы на глаза накатили.

Вот еще... леди не плачут.

– И... и когда?

И не заикаются тоже. Леди воспринимают супруга как неизбежное зло. К мужу, как и к неудобным туфлям, надо лишь привыкнуть. Сначала жмут, натирают, но со временем, глядишь, разносятся.

– Два дня. Три дня. Четыре. Как лошади пойдут. Не надо бояться. Пожалуйста.

А я и не боюсь. Я испытываю сердечный трепет вследствие тонкой душевной конституции.

– И еще одно. Я хотел бы кое-что показать тебе. За пределами дворца. Ты же не против небольшой прогулки по городу?

Еще спрашивает! Мне осточертело уже сидеть с многозначительным видом, разыгрывая изящную леди, которая слишком уж изящна, чтобы придумать себе хоть какое-то занятие.

После возвращения фрейлин я вернула Тиссе ее колечко, а заодно, поддавшись внезапному порыву, стянула с пальца собственное. Благо драгоценностей у меня с избытком.

– Ах, ваша светлость! – К леди Лоу вернулась прежняя ее безмятежность. Она присела у моих ног с вышиванием, всем своим видом демонстрируя, что досадное недоразумение, имевшее место, забыто и не следует уделять ему слишком уж много моего высочайшего внимания. – Вы очень доб-

ры к бедной Тиссе.

Тисса с искренней радостью демонстрировала подарок фрейлинам. Они охали, ахали и славили мою неслыханную щедрость.

– А вы – не очень.

– Ничуть. Я искренне хотела помочь бедняжке.

Доведа до обморока? Интересный способ.

– Вы прибыли издалека... – Леди Лоу ловко управлялась с иглой, прокладывая контур рисунка. Бабочка? Цветок? Неудобно спрашивать, но до чертиков любопытно. – У вас, верно, иные обычаи. У нас же девушка, не имеющая иного приданого, кроме имени, рискует навеки остаться в девичестве.

Ужасная участь, надо полагать.

– А род Тиссы не столь уж знатен. Был. И тан Атли – лучшее, на что она может рассчитывать.

Еще немного, и я поверю в благие намерения...

Помню, куда ведут.

Глава 5

Чужие города

*Я памятник себе воздвиг нерукотворный...
Слова отца семнадцати детей при известии о скором
появлении восемнадцатого*

Этот город – самый лучший город на земле... ну, на этой земле определено.

С замковых высей он и вправду казался рисованным. Этакая акварель из плоских крыш, выжаренных местным солнцем добела, зеленых парковых аллей и узких улочек.

Мы вышли рано, я уже и забыть успела, каково это – просыпаться до рассвета. И Гленна, ворча, что их сиятельство переступили все возможные границы приличий и воспользовались моей неопытностью, подала платье. Наряд был простым, невзрачным и вместе с тем удобным: юбка из плотной ткани, свободная рубашка на завязках и безрукавка. Последняя была расшита мелким речным жемчугом, но все равно по сравнению с прочими моими платьями выглядела бедно, если не сказать убого.

– Хорошо для купчихи, – сказала Гленна, когда я спросила ее, как выгляжу. – Не для вашей светлости.

А по-моему, мило. Главное, что в кои-то веки я могу дышать свободно.

И в дверной проем, что характерно, прохожу без посторонней помощи.

Тан Атли также выглядел не совсем обычно. На смену яркому сюртуку пришла куртка из коричневой кожи, панталонам – простые штаны. В руках его сиятельство держал широкополую шляпу с квадратной пряжкой.

В тени стены, бледная и дрожащая, стояла Тисса.

– В-ваша... с-светлость, – произнесла она, заикаясь, и отчаянно покраснела, – д-доброе утро.

– Доброе.

Утро и вправду было добрым. Солнечный круг завис над Кривой башней, которая, в противовес названию, была пряма, аки шест стриптизерши. Небо розовело, еще не отойдя после ночи, и одинокая звезда задержалась над стеной. С моря тянуло прохладой. Мешались запахи земли, дерева и дыма, копченого мяса и свежее выпеченного хлеба.

– Дамы, вы выглядите просто превосходно. Прошу вас. – Урфин взял под руку меня и Тиссу, которая вовсе, казалось, лишилась способности говорить. Ну вот зачем было ее тянуть?

Ах да, наверное, нашей светлости неприлично разгуливать по городу на пару с их сиятельством, вот и выделили сопровождение. Впрочем, если так, то лучше Тисса, чем леди Лоу.

– Итак, перед вами внутренний двор замка. – Урфин взял на себя обязанности экскурсовода. – Сюда допускаются

лишь избранные, а потому мы перейдем туда, где и подобает быть людям нашего сословия. Сословий всего три. Высшее, к нему относятся лорды и леди. Они владеют землями и стоят над всеми по праву благородного рождения. Среднее – горожане и земледельцы, чей труд позволяет жить и горожанам, и лордам. Ремесленники, из которых наибольший вес имеет гильдия оружейников. Ученые люди и торговцы. Третье сословие – черное, или низшее. Бродяги. Нищие. Бездетные вдовы. Женщины... некоторые женщины, упоминать о которых в вашем присутствии не следует. Воры. Убийцы.

– Вы забыли еще одно сословие упомянуть. – Тисса говорила так тихо, что я едва-едва слышала ее. – Немое. Это рабы, ваша светлость.

Рабы? У них здесь рабство не отменили? Но я не видела никого в ошейнике, или с клеймом, или... Вообще, что я знаю о рабах? Ничего.

– Точно. Забыл. Как хорошо, что всегда найдется кто-то, кто напомним! Немые. Рабы и должники, работающие на откуп. Но вряд ли вы столкнетесь с кем-то столь ничтожным. К лорду или леди следует обращаться в зависимости от титула. Ваша светлость – к мормэру, его супруге и детям... но здесь так обращаются лишь к тем, кто принадлежит к роду Дохерти.

То есть это мой супруг и я?

Или есть еще кто-то? Какое непростительное отсутствие любопытства.

– Тана и его домочадцев следует величать «ваше сиятельство».

Замечательная лекция, еще бы прочитал он ее неделки на две-три раньше, совсем бы цены их сиятельству не было бы.

– К людям уважаемым из прочих сословий обращаются «мэтр» или «сул». Верно, Тисса?

Та пискнула что-то неразборчивое.

Меж тем мы пересекли границу стены, толщина которой меня поразила, и оказались на широченном мосту. Выложенный камнем, он был метров пять шириной и держался на массивных цепях, уходивших куда-то в стены. Под мостом протекала река, но выяснилось, что это всего-навсего ров.

– Во время прилива вода поднимается и попадает в трубы, – охотно пояснил Урфин. – Ров наполняется. А на отливе шлюзы отсекают воде путь. Стены рва выложены камнем. И пересечь его при поднятом мосте затруднительно.

За мостом началось то, что Урфин назвал Низким замком, но, по-моему, это было настоящим городом, мозаикой из камня всех цветов. Желтый песчаник. Серый гранит. Гранит красный, как свежая кровь. И темно-зеленый, с атласным отливом.

– Если обратишь внимание, то мы все время идем вниз. Некогда замок был построен на вершине горы, и городу оставалось лишь приспособиться.

Террасы, соединенные каналами и мостиками до того

хрупкими, что и ступить страшно. Укрепленные колоннами и лесами стены. И каменные козырьки, нависающие над домами. На некоторых росли деревья, иные были покрыты толстым слоем мха.

– Некогда здесь было весьма грязно. И благородные леди предпочитали сидеть в Высоком замке.

Судя по выражению лица Тиссы, она была бы рада вернуться и посидеть еще немного.

А мне нравилось. Я остановилась у фонтана, в котором плавали толстогубые карпы, и Урфин купил у старушки кулек с кашей. Карпы подплывали к поверхности воды и разевали пасти. Они были ленивыми и наглыми, почти как голуби, что облюбовали другой фонтан и других старушек...

Низкий замок от города отделяла стена, но ворота здесь не имели ни решеток, ни стражи, а потому разделение это я сочла весьма условным.

– Еще лет двадцать тому простолоюдинам, кроме тех, кто состоит на службе, было категорически запрещено подниматься в замок, – пояснил Урфин. – Кайя многое изменил.

– Лорд-протектор велик, – сказала Тисса.

– И широк. – Урфин остановился перед лужей, в которой грелась вислоухая свинья. Последняя знать не знала, что перед нашей светлостью лежать нельзя, разве что с особого дозволения.

– Увы, некоторые реформы имеют непредсказуемые последствия, – дав свинье пинок, который та приняла с христи-

анским смирением и лишь перевернулась на другой бок, Урфин предложил мне руку и помог перебраться через лужу. Идти пришлось по узкому и хлипкому бортику.

За Тиссой он тоже вернулся, но та вскинула подбородок, подняла юбки и гордо наступила в грязь. Туфли на ней, как и на мне, были отнюдь не шелковые, а вполне себе крепкие, подходящие для прогулок подобного рода, но мне почему-то стало неприятно.

– Там у нас Кифский рынок, – Урфин сделал вид, что ему все равно, – туда мы заглянем на обратном пути...

– А к морю?

Рынок – это замечательно, шопинг я люблю, пусть тут он будет и с оттенком хорошо выдержанного ретро, но море я люблю больше, правда, и видела-то его раз в жизни.

Мы с Машкой отправились в Крым. Точнее, Машка с друзьями и я в нагрузку, как теперь понимаю. Тогда все казалось великолепным. И долгое путешествие в общем вагоне, где было жарко, людно и воняло пролитым пивом. И скалистый берег. И палатки, и костер, и вечно подгоревшая еда, и даже Машкино молчание, полное холодной брезгливости. Она рассчитывала на совсем другой Крым, а мне было достаточно моря. Вода от края до края. Небо, которое почти отражение воды. Белая нить горизонта. И лунная дорожка от берега до звезд.

– Мы пойдем к морю? – Я дернула Урфина за рукав. – Пожалуйста.

– Конечно. Но чуть позже.

– В-ваша светлость, – Тисса догнала меня и пошла рядом, нарочно держась подальше от тана, – благороднорожденные дамы не ходят к морю.

– Почему?

– Не ходят, – повторила она, глядя под ноги. – Не принято.

Значит, примем. Нельзя же всю жизнь провести в каменной коробке за вышиванием! А Урфин вел нас по узким улицам. Дома смыкались друг с другом плотно. И камень был одного цвета – желтоватого, костяного. Порой в него попадали вкрапления темной глины или же дерева.

– Хлебопекарни... лавки зеленщиков... коптильни... – Урфин не переставал говорить, но остановиться и рассмотреть поближе хотя бы вот того смешного человечка, который прямо на земле разложил цветастый платок и на нем смешивал травы, не позволял. – Алхимические мастерские... аптекарни... там дальше – Дымная часть...

Над городом и вправду поднимались думы.

– Кузницы. А слева – Шелковая улица. Ткачи обитают... мыловарни... красильщики, но туда соваться не стоит.

Я не успевала ничего рассмотреть! Интересно же! И, зазевавшись, я на секунду отстала. Но этой секунды хватило, чтобы оказаться в цыганском круговороте.

Мелькали яркие юбки, звенели серьги и бубны, гортанный голос требовал позолотить ручку, на которой и без того было изрядно золота. Мне предрекли счастливую жизнь и троих

детей, но тут же пригрозили проклятием, снять которое...

– Кыш пошли, – рявкнул тан Атли, выдергивая меня из хоровода. В левой руке он держал мальчишку самого разбойного вида. – Отдай!

Мальчишка зашипел и задержался, но, не получив свободы, выплюнул белые жемчужины. С моей жилетки срезал? И когда только успел!

Вот ведь, мир другой, а цыгане те же. И Урфин подтвердил догадку:

– Люди дороги не знают границ. Мир их не держит. По моему, не видит даже.

Нищий, ловкий, как закаленный в мусорных боях помойный кот, прошмыгнул меж цыганами, и белые жемчужины исчезли.

– Леди, не отставайте, умоляю, мы уже почти пришли.

– Куда?

К огромному строению, которое не отличалось ни красотой, ни изяществом, а только размерами и цветом. Черные стены его жадно пили солнечный свет, но камень оставался холодным – я проверила, прикоснувшись тайком. Ни окон. Ни статуй с барельефами. Ни каких бы то ни было украшений.

Единственная дверь – чугунные створки с натертыми до блеска, натруженными петлями – распахнута настежь. К двери ведут три ступени, и на каждой сидит по старухе. Урфин бросил им горсть монет.

– Леди Тисса подождет нас здесь.

Это уже была не просьба, но приказ. И Тисса не осмелилась ослушаться. Мы же вошли в храм. Почему я решила, что это именно храм? Просто уж больно он не похож на все прочие виденные здесь здания. Темно. В первый миг темнота оглушила. И я схватилась за руку Урфина просто чтобы убедиться – он рядом.

Здесь каждый сам по себе.

Ни нефа. Ни алтарей. Пустота, расцвеченная свечами. Робкие огоньки их – близкие звезды, к которым меня ведут. Звуки странным образом исчезают, и это правильно – в храме необходимо уединение.

Я не религиозна. Я была и в церкви, и в мечети, и в синагоге, всякий раз поражаясь той особой красоте, которая наполняет любой, без исключения, храм. И даже этот, безмянный, был удивителен своей безбожной простотой.

Постепенно тьма отступала. Она отползала, оставляя лужи остекленевшей черноты, и собственные мои отражения смотрели из них. Отражения отличались друг от друга, и потому казалось, что они все – я, только та, которая могла бы быть.

– Когда я впервые попал на другой лист, – голос Урфина был тих, но все равно раздражал это место, – меня удивила вера. Бог как существо, сотворившее мир и до сих пор за ним присматривающее? Люди-дети и рай как награда за хорошее поведение? Я не оскорбляю тебя?

– Нет.

– Хорошо. Мне бы не хотелось. Листов множество. Есть такой, где люди приносят Богу все самое лучшее, а сами живут в нищете. Есть другой, где в правители выбирают лишь безумцев, потому что думают – Бог говорит через них. Есть третий, где безглазые жрецы взвешивают на особых весах добрые и злые молитвы, говоря, что делать человеку. Их цель – соблюсти равновесие.

– Странно.

Мы шли. Темнота делала огромное здание и вовсе бесконечным. Остались позади созвездия свечей, и на полу прорезались жилы белого света. Они сплетались друг с другом в причудливые сети и поднимались, разрезая пространство. От них не исходило тепло.

– Здесь же думают, что Творец, тот самый Творец, который дал миру начало, ушел. И нет нужды молиться ему.

Сети соединились. Белый свет сделался ярким, резким.

– А кому здесь молятся?

– Смотри! – Урфин отступил, оставляя меня наедине с... чем?

Не алтарь. Не иконостас. Картина?

Красный конь встал на дыбы. Пасть его разодрана удилами. Кровь мешается с пеной, и кажется, что жеребец вот-вот рухнет от непомерного усилия. Копыта готовы обрушиться на землю, на меня, смять и раздавить. Сполохи пламени скользят по клинку, по алым доспехам, которые сами будто

бы сотворены из живого огня.

Взгляд рыцаря полон гнева.

«И вышел другой конь, рыжий; и сидящему на нем дано взять мир с земли, и чтобы убивали друг друга; и дан ему большой меч...» – Я не понимала, откуда берутся эти слова, но они были правильны и единственно возможны.

– Кайя Дохерти, – Урфин не позволил мне отступить, а ведь больше всего мне хотелось нырнуть в темноту, спрятаться и от коня, и от меча, и от самого всадника, – лорд-протектор. И нынешнее воплощение войны.

А по совместительству мой супруг.

Эк меня угораздило, однако.

Глава 6

Рабы (не)мы

А потом он украл из дворцового зала шкуру тигра, завернулся в нее и грабил по ночам одиноких прохожих...

Правдивая история из жизни лорда-советника, седьмого тана Атли, рассказанная зеленицей со слов ее троюродной сестры, которой случилось помочь на замковой кухне

– Спокойно, Иза! – Руки Урфина были надежной опорой, пусть бы я и не собиралась по местной традиции лишаться чувств. Война? Ничего страшного. У всех свои недостатки. Я тоже не ангел господень. – Ты вряд ли когда-нибудь увидишь Кайя в этой ипостаси.

– Почему?

– Ты женщина.

Надо же, я не против мужского шовинизма в отдельно взятой ситуации.

– Я просто хочу, чтобы ты сама увидела. Ты не отсюда родом. Ты способна мыслить иначе, чем они.

– Война – это...

Что? Бог этого мира или части его? Всадник апокалипсиса? Или безусловное зло?

– Явление, – подсказал Урфин, – стихия. Только в отли-

чие от природной эта рождена людьми. И, как стихия, она способна разрушать.

Под копытами красного жеребца лежали развалины. Приглядевшись, я могла различить дома и людей, таких крошечных, беззащитных.

– Или сдержать разрушение. В твоём мире есть оружие настолько сильное, что его нет нужды использовать.

Атомная бомба? Ее использовали. Дважды. Но Урфин прав – миру хватило, чтобы испугаться. Но как надолго хватит этого страха? Я раньше не думала об этом. А теперь вот, глядя на растоптанный разоренный город, вдруг поняла, что ничего не знаю о войне. Я видела фильмы про наших и немцев. И еще про Вьетнам. И про рыцарей тоже, которые хотели захватить Иерусалим, потому что там жил Бог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.